

Беседа

с монахиней Евдокией (Чипизубовой)

Я всегда мечтала о России.

Нас воспитывали такими русскими.

М. Евдокия

– У меня к Вам будут совершенно несложные вопросы, матушка, не требующие специальной подготовки, знаний. Самый первый вопрос: расскажите, пожалуйста, о себе. Как сложилось так, что Вы стали монахиней? Пришли к Богу? Как Вас звали до монашества? В какой семье Вы родились? Какая у Вас была фамилия? Кто были Ваши родители и когда Вас крестили? Вот так, совершенно произвольно, а дальше потихоньку. Вот об этом, матушка.

– Вы знаете, у меня с детства было такое уединение. У нас с мамой и папой было так: они жили в селе, хотя, вообще-то, они городские. Мама из Маньчжурии, выросла в Маньчжурии. Приехали в деревню: что делать? А в городе тоже ничего нет. Беженцев много было, но вот приехали сюда они, потихоньку встали на ноги, поженились. Мама вышла замуж, ей еще не было 17 лет, но так родители благословили. И вот потихоньку они стали жить.

– Это все в Китае было?

– Да, в Китае. Из России отец бежал от расстрела, это было в 1923 году.

– А мама?

– А маму привезли в 1918 году. Ей было 10 лет.

– После революции как раз?

– Да. После революции бежали, кто в чем есть.

– Откуда бежали? Где их месторождение, у папы и мамы?

– У мамы и папы оказалось в Забайкалье.

– И мама там же родилась?

– И мама там. Но они друг друга не знали, у мамы родители были очень богатые, у папы тоже. Как крестьянин он был очень богатый. Семья была большая у папы, семеро детей было у дедушки Захария.

– А как фамилия?

– Чипизубов.

– *Это папа. А мама?*

– Былкова. У нее корни грузинские по женской линии. Мама была очень красивая. Когда было ей 82 года, я купала ее, и говорю: «Мама, какие красивые у тебя кости!». Красивые были, ничего не могу сказать.

Но они и сами по себе были интересные люди. Во-первых, они были очень общественные, у них было очень любви много. Например, к нам собиралась молодежь. Приедут и просят: «Дядя Макар, тетя Лиза! Научите нас старинным танцам». Ну, конечно, молодежь у нас, они танцуют, папа с мамой учат и мне нравилось, что мама с папой, у них было все одно. Они были как дети с нами.

– *В доме были радость и любовь?*

– Да, и потом называли, что у нас постоянный двор: все едут к нам.

– *У Вас был большой дом?*

– Нет, у нас был средний дом.

– *Папа работал? Кто он был по профессии?*

– Папа был учителем, а потом бухгалтером.

– *А какой предмет он преподавал?*

– Вот я не спрашивала. Тогда мы дети были. Я рано от родителей отлучилась. По какой причине? Поехала в город учиться дальше.

– *А в какой город поехали учиться?*

– В Харбин. Жили мы в деревне, Трехречье называется. А тут сразу раскулачивание, все отняли у наших. Два года, даже больше двух лет пробыла одна там. Пришлось мне школу закончить. Жила у тети двоюродной. Она была артистка, очень красивая.

– *Как звали папу и маму?*

– Папа был Макарий Иннокентьевич.

– *Макарий Иннокентьевич Чипизубов.*

– Мама – Елизавета Афанасьевна Былкова.

– *Но потом стала тоже Чипизубова?*

– Чипизубова. Знаете, что мне у них нравилось? Когда только начинался пост, то соседи приходили и папа читал. У папы всегда была библиотека, книги собирал.

– *Он покупал или что-то привезли с собой?*

– Нет, с собой ничего не привез, он уже тут приобретал. Читали жития святых. Я помню хорошо. Присяду на ступенечку, дверь приоткрою. Они сидели в

кухне, чтоб детей не будить, как-никак нас семь человек было. Значит, читает, я сижу и слушаю. Мама слышит, подходит: «Детка, детка, иди в кровать». Это было всегда, я слушала. Так я не любила подслушивать, но жития...

А когда Святки, тут, конечно, читали разные книги. И вот любили приходиться к нам все, особенно соседи, старички. И папа был очень общительный, он пел в церкви, в церковном хоре. Он выступал, в самодеятельности. Когда он выступал в «Горе от ума», так старушки плакали. А в 1945 году, когда показывали «Товарищи», это была постановка такая, так офицеры соскочили, пришли, поздравляли его: «Так это настоящий артист!»

– *Вы тоже были в этом зале, все слышали?*

– Я была маленькая, взрослые не брали. Маленьких детей родители не брали. Но я уже после видела, когда мне было лет 13. И потом они распевку всегда делали у нас. Ребята (мои братья) были самоучки, играли на балалайке, на мандолине.

– *А Вы какая по счету среди детей??*

– Двое были до меня, две девочки умерли, маленькие были. Брат, две сестры и я. Четвертая.

– *В середине?*

– Да, я была в середине.

– *Дружная была у Вас семья?*

– Очень. Насколько дружная была семья! В один день, что случилось? Это было в Харбине, когда китайцы наших раскулачили. Где мы жили, то напротив нас были китайцы. Отец был, он был вдовцом, и сын Ванька, он всегда дружил с моим братом и ходил в русскую школу.

– *Китаец?*

– Китаец. Этот отец Вани всегда говорил, что Ванька женится на русской. И женил его на русской. Он обрусел, но по-китайски отец с ним занимался. Отец имел образование хорошее. И потом, когда коммунисты были, он был переводчиком. Когда приехали, мы были уже в другом селе. Заезжает в наш дом, открывает, а там пять семей живут: колхозники, эти председатели, которые раскулачены. Но кто раскулачил? Шпана, прости меня Господи. Они: «А где же Макарий Иннокентьевич?» – «Вон там, под горой». Они выгнали нас, все отняли.

– *У вас был огород, скот?*

– Скот был. Папа любил всегда: немного, но породистые. Были коровы породистые, были лошади – скакуны.

– *И все отняли?*

– Все отняли, абсолютно все. А я как раз была в Харбине. Брат приехал обратно, чтоб взять вещи. Уже там устроил меня. И так все получилось, и вот мое образование.

– *Какой же это был год?*

– Это был 1948 год.

– *Это как раз коммунизм в Китае?*

– Да. У них еще не так было. Это наши кулачили.

– *Советские?*

– Нет, их еще не было, не советские. Наши. Они поехали в консульство, взяли разрешение. Консул разрешил. И что Вы думаете? Вот поселье, была засуха страшная, а папа и несколько семей, у кого была лошадь, у кого были силы мужские, вот посеяли много. Засуха страшная. Что же делать? Наши взяли батюшку, поехали, молебн отслужили. Дождь пошел и прошел там, где наше выло засеяно!

– *Там, где ваш огород?*

– Да. Те едут на телегах, поют песню «От колхозного вольного края». У них все сухо. Господь же показывает все!

У нас папа был очень религиозный и мама. Например, шуточки сальные папа терпеть не мог, и анекдоты он не любил. А вообще, он был с большим юмором, с ним было очень интересно поговорить. Он с юмором, но строгий. К религии он был очень строгий.

Брат приехал в Харбин, так хотел учиться, но перед приходом советским он заболел сильно и год пролежал. Потом год ему дано было восстанавливать здоровье. А тут пришла война, Рокоссовский пришел, это было страшно. Во-первых, они стали просить, пожертвуйте на армию. Ну, люди русские, наши. Пришли, у одних забрали половину, а у кого всё забрали. Что они сделали? Всю живность согнали в кучу, представляете? Это же вся скотина разная! Всех вместе: лошади, бараны, все. И что солдаты делают? Надо им на кухню, пошли, из автоматов постреляли, бараны попадали, раз и себе делают еду. Ну, тут еще наши местные говорят, ну, пусть хоть солдаты поедят... Потом пришли проверять, искать документы. Какие документы в деревне?

Как они первые пришли, самолет прилетел первый раз. Мужики все пошли встречать с хлебом, солью.

– *Это 1945 год, осенью?*

– 1945 год, осенью. Я только не помню, в каком месяце, была девчонкой, не понимала. Была война. Нас воспитывали всё: мы русские, мы православные, это наша Родина. Мы выросли на патриотизме.

– *В патриотизме к Родине, к России, Советскому Союзу?*

– Да, я до сих пор не могу понять, почему приехавшие в Австралию здесь так относятся к России? Не могу понять, мне непонятно. Когда я задала вопрос: «Ну, хорошо, а как же дети?» – «А им не нужно». И они уже не говорят по-русски. Им было по 10 лет, прожили пять лет, и они уже не говорят по-русски абсолютно!

– *Здесь в Австралии?*

– Да. Меня вот это удивляет.

– *Говорят, это некая «колбасная эмиграция». Ехали за колбасой, не было колбасы в 90-е годы. Вот их и прозвали.*

– Хороший анекдот... Вот это непонятно.

– *Матушка, после раскулачивания как поднимались? Что Вы ели? Ведь это же наступала нищета?*

– Все свое было.

– *Вы привыкли достойно одеваться, ходить в школу, к уважению привыкли. И вдруг стали нищими.*

– Было духовное понимание, что это испытание. Маму арестовали, конечно, посадили ее на 10 дней. А папа уехал в большое село, так сказать, в городок. Он сразу поступил в магазин счетоводом.

– *Он, наверное, математику преподавал?*

– У него сильная была математика, очень сильная. Мне было 15 лет; я, как уехала, так больше дома не была. Сестренка та осталась и с мамой, и с папой. Так они у нее и умерли. А я тут, в городе, а потом вышла уже замуж.

– *Жили одним домом?*

– Да, жили.

– *Вот Вы когда замуж вышли, сколько Вам было лет?*

– Я первый раз вышла, мне было 20 лет.

– Как Вы выбрали мужа? Он вместе с Вами учился в школе, жил в одном поселке? Как Вы встретились?

– Мы в Харбине встретились.

– Он за Вами долго ухаживал?

– Ну, как сказать. У нас же не так, как здесь: каждый день встречаются. Мы встречались, например, когда на концерт пойдём, в кино пойдём.

– Как вообще познакомились?

– Он приехал учиться в медицинский институт, на фельдшера. И тут мы познакомились.

– Из Трехречья?

– Да, из Трехречья.

– И Вы тоже в медицинском институте учились?

– Нет, у меня 6 классов всего было. Не получилось больше учиться. Мне надо было работать, я должна была существовать на что-то. Мама с папой не было. Мне некогда было преклонить голову.

– А что случилось с родителями? Папа уехал в село?

– Он потом взял семью к себе, вывез их в свое село. Он там устроился, купили маленькую развалюху. Он их всех забрал к себе.

– А Вы остались в Харбине?

– А я в Харбине осталась.

– А жили где?

– У тетки была. А тетка была артистка. Я у нее жила, как прислуга, за ребенком смотрела, но я не обижалась. Во-первых, надо каждый день было протереть дом, всю пыль, каждый день пол мыть – все это большая работа.

– А тетка была состоятельная актриса?

– Ну да, она была состоятельная.

– Она была в состоянии Вас кормить, одевать?

– Нет. Кушали-то все мы вместе, не было раздела. Это мамина двоюродная сестра. Но она была очень из богатых. И она не поняла, что человек нуждается, она не могла понять. У нее такие вещи хорошие лежали! Ну, дай девочке, я обносилась вся. Так нет, все это заштопай, а потом маме говорит: «Смотри, Тамарка у тебя такая чистюлька».

– А звали Вас Тамарой?

– Тамарой.

– Там Вы встретили суженного своего. А как его звали?

– Да, Михаил. Он был старше меня на пять лет.

– А Вам было 20?

– Да. Потом он предложение сделал. Я познакомила его с папой. Оказывается, папа его родителей хорошо знал.

Мы как-то мало были знакомы. Ну, понравился, первый молодой человек. Потом папа говорит: «У него семья хорошая, только он бедный, был один сын, были еще дочки. Они его просто избаловали». Он институт никакой не закончил, у него были девушки, то одна, то другая. Я потом уже это узнала. Когда мы поженились, он мне о своих приключениях рассказывал.

– Он не был воцерковленным, духовным человеком?

– Нет.

– Вот Вы ходили в церковь...

– Да. Вот я приду в церковь. Что я просила у Боженьки? Плачу и говорю: «Боженька, помоги мне». Это еще ничего. Приехала к тете Шуре ее родная сестра, привезла с собой ребят, богатых полукровцев (полукровец – это русский с китайцем), очень богатых.

– А как у нее фамилия была?

– У нее была Бошурова.

– А у мамы?

– Мама – Былкова. Тетя тоже была Былкова, а потом Бошурова. Она была очень красивая. И, как артистка, была талантливая.

– Она была артистка театра или еще кино?

– Тогда еще кино не было.

– Когда Вы вышли замуж, у Вас был свой дом или продолжали жить у тети вместе?

– Нет, я ушла к другим. Когда я у нее жила, потом говорю: «Тетя Шура, я не могу, я же должна какую-то профессию себе иметь, я же не могу так жить». А родителям пишу, они мне пишут, а письма не доходят. А что получилось? Оказывается, посылаешь письмо, его должен председатель принести. Я посылаю, оно идет туда, а родителям не передают.

– Родителям Вашим письма не передавали?

– Нет, и их письма мне не доходили.

– А почему? Они что, вредители?

– Вредители, потому что сказали, что папа был кулак. Это было просто преследование.

– *Без права переписки?*

– Да.

– *Они ввели такое наказание? Вы вышли замуж, поменяли же фамилию?*

– Да.

– *Тогда Вы стали не Чипизубова, а какая у Вас фамилия была?*

– Каюкова.

– *Это есть такая птица – каюк.*

– Мне папа всегда говорит: «Ну, и каюк!»

– *Как Вы себя почувствовали? Почувствовали независимой женщиной, свободной? Как было в то время, социалистическое?*

– С мужем?

– Да.

– Через три месяца я почувствовала, что мы разные люди, абсолютно разные. Но я уже ребенка имела. Ну и что делать, семь месяцев. Я работала, а он бросил работать и бросил институт, а мы уже записались в Бразилию. Он говорит: «Поедем за границу». Хорошо поедем. Я тогда хорошо зарабатывала, шила.

– *Надомницей, дома шили?*

– Нет, я у Чурина работала, в огромном магазине, как фабрика. Там большие были заказы, стандартного было мало. Потом стандартное шили очень хорошо.

– *Платили хорошо и вовремя зарплату получали? И чувствовали себя независимой женщиной?*

– Платили очень хорошо. Меня никто не притеснял, но я чувствовала, что мы с мужем разные. Не о чем было с ним поговорить.

– *Он же был старше Вас?*

– Старше, но он был избалованным. Родители были очень хорошие, верующие. Просто избаловали.

– *Вот Вы говорите, уже ждали переезда. Вы тогда хотели уехать из Китая?*

– Мы хотели все в Россию. Все родственники уехали в Россию. Но папа колебался, он еще не верил коммунистам, потому что он испытал это на себе. Он потом говорил: «Знаешь что, я напишу сестре». У него были сестры,

кажется, две или три. И вот, он своей любимой Елизавете написал. Интересно, говорит, там она или где? Написал ей письмо и, конечно, написал, что нас как бы «добровольно» на целину зовут, но есть возможность уехать за границу.

Представьте, письмо быстро пришло. Как оно дошло, Бог его знает. Это просто была милость Божья. Приходит ответ от ее сына, он инвалид в орденах. Он написал письмо так: «Дяденька, если так уж нужно Вам на целину, лучше приезжайте к нам в Иркутск, как бы то ни было, мы свои. А если есть у Вас еще возможность – счастливого Вам пути!» Папа сказал: «Все понятно!». Вот так мы и попали в Австралию. И в Австралии как-то за один год все пришло.

– *А было ведь предложение в Бразилию?*

– В Бразилию, это мы с мужем хотели. Пока я туда-сюда, рождается ребенок.

– *Сын или дочка?*

– Сын. Так, родился ребенок, надо крестить. А он сделал немножко подло.

– *Ваш муж?*

– Да. Не работает, ничего. Мы деньги собираем. Я знаю, что уже 200 рублей есть. Хорошие деньги были, чтобы на дорогу, на билет.

Кушать мы кушали все. Мне хозяйка говорит: «Слушай Тамара, твой муж наводит каких-то тут баб и мужиков. Тут такая гулянка». А лето было. Раз мне говорит, два говорит, а я уже 7 месяцев беременна была. Потом в третий раз. Нет, думаю, что-то бабулька говорит, ну, как-то я не воспринимала, не верила. Подхожу к заведующей, говорю: «Можно мне будет сегодня раньше уйти?» – «Хорошо». Я отбила рабочую карточку, пошла. Прихожу, в доме пусто, окна, двери открыты. Лежит какой-то мужчина на кровати нашей. Я прошла, а Михаил говорит: «Почему ты не здороваешься?» Я говорю: «Когда женщина заходит, мужчина обязан встать».

На следующий день прихожу, деньги спрятала, у меня только 60 рублей осталось. Они-то все прогуляли.

Я их спрятала, он ухватился, а денег-то нет. Я захожу, он меня ударил. Я ничего понять не могу. У меня кровь потекла. Я взяла кочергу, да как ему дам. Лицо было жалко. Я ему сюда ударила, в косточку, кровь потекла.

Я ему говорю: «С сегодняшнего дня ты мне не муж, а я тебе не жена. Все».

Прошло сколько-то времени, а он записался в Россию ехать. Я прихожу, он мне ничего не говорит. Мне китайцы показывают газету и говорят: «Смотри, твой-то

мужчина уезжает», по-китайски написано. Я взяла, смотрю, да, верно. Мне было так больно, обидно, думаю: так подло поступить.

– *Не были разведены?*

– Нет, даже об этом помина не было. Я шла домой пешком, не поехала на трамвае, пошла вокруг. Зимой было, поплакала, конечно, умылась снегом. Все, прихожу, веселенькая.

Я прихожу, он сидит дома, дверь открыта. Я захожу, говорю: «Поздравляю тебя». Он говорит: «С чем?», я говорю: «С отъездом. Что же ты так поступаешь? Ну, если хочешь – поезжай». «Так ты же не хочешь». Да, я сказала, когда будет Россия, я поеду в первую очередь. А пока коммунизм – не поеду, потому что, когда пришли войска, много мне пришлось увидеть нехорошего.

Один раз мы пришли на пароход, муж всегда ходил на пароход, потому что был моряк. И когда приходил российский пароход...

– *Это второй муж?*

– Да, это второй, Сашенька. У нас было все общее.

– *Чем закончилось тогда, муж уехал в Россию, ваш первый муж?*

– Да-да. Ребенку было 3 недели, а он уехал.

– *А в каком это году было?*

– Это было в 1954-м.

– *И Вы остались одна с ребенком?*

– Я осталась с ребенком, но пришла к папе с мамой.

– *Но папа жил не в самом Харбине?*

– В Харбине, все в Харбине потом жили, переехали в Харбин. Потихонечку ребята там приустроились, кто в гимназии учился, я одна только осталась.

– *У вас были паспорта российские?*

– Были.

– *И он уехал, даже не оформил развод?*

– Он взял только советский паспорт, а церковный нет. Говорит: «А мне его не надо, а ты как хочешь, так и бегай с ним».

– *А был и церковный паспорт?*

– Был. А там было так: первое время ты должен зарегистрироваться, а потом только венчаться.

– *Каково было Ваше чувство? Уехал ваш муж, Вы остались одна. Вы чувствовали, что он уехал навсегда?*

– Да.

– *И у Вас одна работа на швейной фабрике?*

– Вот я и работала.

– *А сын?*

– С мамой был. Сынишке исполнилось два или три месяца, а тут как раз в Австралию. А я уже вместе с моими родителями. За год пришли все визы. Всё.

– *А визы Вы тоже подавали в Австралию?*

– Да.

– *Или эта была бразильская виза?*

– Нет. Та еще не пришла. Там по пять лет ждали. Так что ничего не вышло. Сюда приехала.

– *А в каком году сюда приехали?*

– Мы сюда приехали 10 ноября 1958 года. А Сашенька приехал сюда в 1948 году из Германии.

– *Он уже здесь 10 лет жил к тому времени?*

– Да, 10 лет.

– *Это второй Ваш муж?*

– Да.

– *А приехали сразу в Сидней?*

– В Сидней. А знаете, мне не понравилось сразу и по сегодняшний день не нравится. Значит, на пароходе радуются, танцуют, такие счастливые. А я плачу, не то что рыдаю, а слезы льются. Мне что-то жалко, что-то я потеряла. А дождик такой моросил, неуютный. Думаю, Боже мой, куда я приехала и зачем я сюда приехала? Мама меня успокаивает: «Ну, что ты, что ты. Все будет в порядке», и по сегодняшний день мне не нравится.

– *Австралия?*

– Да, не нравится она, не к душе моей, не лежит она ко мне. Здесь все есть, но чего-то нет.

– *Второй муж, как Вы с ним познакомились?*

– Очень интересно. Работала здесь тоже швеей. Языка нет. А тут были Родионовы, у них была фабрика и они брали эмигрантов. Это было так хорошо. Помню, в неделю получала 9 фунтов, 9 шиллингов и 9 пенсов.

– *Здесь были английские деньги?*

– Английские. Тогда хорошие деньги были. Так потихоньку встали на ноги.

Прихожу с работы как-то, смотрю, какой-то дядька держит моего сына. А сын мой его обнял так ручонками за шею. А у меня так сердце екнуло: «Господи, неужели Костя себе отца нашел?»

– *Костя – это Ваш сын?*

– Да. Я поздоровалась, прошла, вернулась. Он ребенка оставил, ушел. Так что никакого знакомства у нас не было. Потом он пришел, там у нас на этом же участке у хозяина был домик, там жила одна девушка. Он к ней зашел, они знакомы были. Лена кричит: «Тамара, Тамара, иди сюда скорей». Я подхожу, тоже с работы, она говорит: «Познакомься с дядей Сашей». Мы познакомились через окно: я на улице, он в доме. Держит мою руку, а я не выдергиваю, и он и говорит: «Как Вам нравится Австралия?» Я говорю: «Не нравится абсолютно». Он говорит: «Я десять лет здесь – она мне тоже не нравится». И вот так, у нас все было общее. У нас был интерес общий, у нас язык был общий. Мы могли с ним говорить.

– *Часами?*

– Да.

– *Возрастом были примерно одинаковы или он был постарше?*

– Он старше был на 17 лет.

– *Кем работал ваш муж?*

– Здесь он был рабочим.

– *На стройке, в основном?*

– Да. В общем, простым рабочим он быть не хотел. У нас формочка была.

– *Формочка – это ферма небольшая.*

– Ферма: 5 тысяч кур было. Вот мы с ним вдвоем там работали.

– *Это вы птицеводы? Целая фабрика?*

– Да. А яиц сколько, Боже мой, собираешь! Надо их все помыть, а водой нельзя мыть, надо севул, это значит стальная шерсть. Все вычищать и ребятки помогали. Вот посажу их вокруг себя....

– *У Вас дети появились?*

– У меня детей шесть человек.

– *Шестеро детей? Это, включая Костю?*

– Костя шестой и трое погодки сразу.

– *Откуда ваш второй муж, Александр? Из каких мест?*

– Он родился в Феодосии, а вырос в Харькове. Бедная была у него судьба, тяжелая. Почему у нас с ним все и сошлось. Я многое пережила и он.

– *Он был в плену?*

– В плену он был, да. Но и детство у него было очень тяжелое. Отца взяли в армию в Первую мировую войну. Он родился в 1914 году. Через два часа как родился, отца взяли в армию. Он погиб в Брусиловский прорыв. А Саша уже вырос. Так тут самая разруха, тут и белые, тут и зеленые, и тут чего только не было. Пионером не хотел быть, учился хорошо, комсомольцем тоже не хотел и билет партийный тоже не брал, охоты нет.

– *Воцерковленная была семья?*

– Да, он верил, и помнит, когда ходил в церковь. Но больше он ничего не помнит, потому что мама то в город, то в деревню. Самые тяжелые годы были его. Он стихи писал, очень умный, очень начитанный. Потом война началась. Ему было 12 лет, он пошел юнгой на пароход.

– *Ваш муж работал матросом на Черном море?*

– Да, Черное море, потом в Одессу ходили. А в 1937 году получилось, он бежал. Приходит в порт, а ему говорят: «Шурка, мать арестовали, сестру арестовали».

– *А за что?*

– 1937 год. Страшный год был. Зависть. Саша нужду видел. И когда он плавал, не гулял с ребятами, он всегда что-то привезет, то муку, то еще что-то, не пропивал, он был хозяином. И вот он все это матери привезет. А мама была очень добрая: она возьмет, то соседку угостит, то еще чего-нибудь. Это было очень трудно. И, видимо, по зависти на нее стукнули. Когда ребята сказали: «Шурка, мать арестовали», он сказал: «Я даже думать не стал».

Он был рулевым, но в тоже время по хозяйственной части, посылали покупать всякое нужное. Он рассказывал: «Я закупил, что надо и потом к ребятам: «Вы идите, а я еще кое-что прикуплю и приду». А вместо парохода он пошел пешком 15 дней по всей России, прятался. Это в Австралии можно прятаться, тут десятки лет прятаться можно. А в России в то время, там, где Днепр, в горах прятался.

– *На Украине?*

– На Украине прятался. Ночью холодно, а днем солнце нагреет камни, ничего. У него какая-то искра в вере была. Во-первых, он очень добрый, очень любил помогать бедным. Это хорошая черта была, но был очень осторожен, настолько осторожный был! Если он знакомился с человеком, то сначала его изучит взглядом. У меня внук такой родился.

– *Он же прошел войну, призвали на фронт, к началу войны он же был не самым молодым человеком?*

– Ему уже было 25 лет. Когда он узнал, что мать выпустили, то это было чудо. Она рассказывала, что у них была от второго отца девочка в семье. Вот они сидят 200 человек женщин в одной камере, тут же бочка, тут и все. Платья все истлели, чулки распороли и от селедки косточку выдергивали (как-то сумели), зашивали себе. Все лезло. Вызывали на допрос, дадут селедку поесть, больше ничего.

– *И воды не дают?*

– Нет, потом, в ватное одеяло закутают тебя и двое пинкачками тебя с обеих сторон бьют, видят, что синяки не остаются, а внутренности все отбивают. И когда женщина уже без сознания, они ее принесут. Мама его рассказывала. А девочку, она с ними была, было жалко. Стали женщины говорить: «Отдай ты ее в детский дом, специальный». Как Катюша (моя дочка) говорила: «Дети врагов народа», так они про тех детей писали.

Трехэтажный дом был какого-то помещика, там был интернат. И вот там дети от семнадцати лет и до тех, кто в люлечках. У них-то детей позабирали, а эти старшие девочки должны были с ними нянчиться, как бы неплохо. Эти маленькие плачут, те еще не знают. Но эти девочки молодые. Что делать? Катюшка рассказывает: «Когда иногда показывают по телевизору, что вот 6 млн немцы побиили евреев, лучше пусть покажут как наших детей уничтожали!» Я Вам расскажу, что та девочка рассказывала.

В один день, вдруг ее и несколько девочек вызывают. «Мы боялись белых халатов, страшно боялись. Комната большая, большой стол стоит, покрытый белой простыню. Больше мы ничего не помним: что было, что с нами сделали, ничего не знаем. Второй раз вызвали тоже несколько девочек. Посадили, знаете, как эти завивки делают, посадили туда, большая температура, мы головками дергаем, а они, женщины в перчатках резиновых, вцепились в

голову, так и остались ямки пяти пальцев. На волосы надевают полосатую беретку, полосатые халатики, платица.

А потом в один день подвальное помещение было закрыто железом. Но когда этих халатов нет, дети есть дети, мы сядем и катаемся по этим железкам. И тут стали, залезли – а нас током бьет. А дети по натуре очень любопытные. Мы бегаем, смотрим тут приезжает машина огромная. Они забор сделали вокруг дома, а в нем щели такие огромные, а за забором там выкопали огромную яму. Приезжает большой грузовик, закрытый. Подъезжает к этому дому, где подвальное помещение, открывается дверь и вот оттуда вытаскивают детей, уже раздетых, любого возраста, за ноги и за руки и туда, в яму. Какие-то над ними делались эксперименты. Объезжают вокруг этот участок, и вываливают в эту яму».

– *Кто были эти люди, которые делали эксперименты?*

– Они были в тюрьме, советские. Кто делал?

– *НКВД получается. Медицина НКВД.*

– Ну, конечно.

– *Они экспериментировали над детьми тех родителей, которые в тюрьме находились?*

– Ну, да. Там написано, она говорит: «Как сейчас помню, читаю: «Дети врагов народа».

– *Их потом убивали?*

– Ну да, они мертвые и туда. Мамаша чудом вышла. Когда ее вызывают на суд, ей говорят: «Что Вы смеетесь?». Она им говорит: «А что мне, плакать?».

Я думаю, что что-то немножко повредилось у ней. Потом уже, когда она вышла, пережить не могла, представляете? Она не знает, что с сыном. Но Саша говорит: «Хорошо, что нас вместе не посадили. Они бы нас запутали, мы бы все погибли там».

– *Эти все ужасы, о них можно очень много говорить и об этом много чего написано. А как судьба мужа складывалась после войны? Ведь он где-то попал в плен?*

– Так вот, мать выпустили. Получилось так, что следователь был другой, молодой. И когда он вызвал ее, читает и читает, и говорит: «Тут никаких преступлений, тут ничего. Что Вас тут держат?» Она говорит: «Я не знаю». Он говорит: «Уходи, с вещами уходи». Какие вещи, все сгнило. Когда вышла, она

говорит: «А как мне ребенка получить?» Он дал бумагу, чтоб ей выдали ребенка. Он дал адрес, чтоб пошла с этими документами. Между прочим, дал денег на дорогу. Она говорит: «Очень хороший был человек, даже удивляюсь, настолько был добрым». Она нашла дочку, поехала домой. Приехали.

Саша как-то узнал, что мама выпущена. А это уже был 1938 год, уже перед самой войной. Он пришел. Когда он пришел, его сразу в НКВД. Ну, что, сажать нельзя, тут уже война. Они дали 6 месяцев принудительной работы. Он отбыл, их даже не закончив, сразу на фронт.

– *А на фронт, куда он попал служить?*

– Знаю, что он был под Лозовой. Он рассказывал кусками, когда ему бывало тяжело. Мы сядем, чтобы вспомнить.

– *Он в пехоте был? Стрелком, снайпером?*

– Он был снайпером, под Лозовой.

– *Лозовая где находится?*

– Там, где Харьков, на Украине. Я не знаю.

– *Там был очень большой котел. Там попало в плен более 600 тысяч одновременно.*

– Три армии. Вот он и говорит: «Как так? Ни одного танка нет, ни одного самолета не было. Это просто на убой гнали. Не было пушки, не было ничего. Они идут валом, а нам что с этими винтовочками, да с автоматами. Винтовки они сразу ломали, автоматы брали.

– *И вот под Харьковом попал в плен?*

– Да.

– *И куда их потом?*

– Там поле было, где пшеница росла, сделали на нем лагерь. Это ж такую массу! Это все еще в России было. И вот на этом поле протянули проволоки. 80 тысяч там было советских пленных.

– *Это же было в сентябре-октябре 1941 года?*

– Да, в 1941 году.

– *А как он в дальнейшем попал в Германию?*

– Он говорит: «Там старались люди убежать. Ну, проволока, вышка. Приказ был такой: «Кто будет бежать – будут стрелять». Лейтенанты 5 человек побежали, далеко не убежали, залегли. На них с собаками пошли, тут же их расстреляли и привезли. Он говорит: «Лучше бежать было одному». Он всегда

старался один. Во-первых, он всегда, прежде чем что-то сделает – подумает. Он был умный человек.

Вот он говорит: «Я побежал. Только пробежал где-то 80 км, меня опять поймали. Благо, что в другой лагерь посадили. Если бы в тот же, меня б расстреляли. Здесь просидел сколько-то времени – опять бежал. И вот уже убежал, уже недалеко от Харькова, а его поймали опять. Поймали и кто? Свои же порадели.

– *Власовцы?*

– Нет, эти «самосиненькие», украинцы, петлюровцы. Они понадевали на себя черные шинели, ходили, прямо короли. Переводчиками стали. Пленных набрали 50 человек по дорогам. Попал там один матрос. Он говорит: «Слушай, ты же меня знаешь, я с тобой из одного села?». «Неважно, – говорит, – приказ такой - всех собирать».

Кто бежал, старались всегда переодеться, чтоб военным не быть. И Саша говорит: «Забегал к одной женщине, попросил переодеться. Были женщины хорошие».

Гонят – пошли. Вдруг оглядываться стали. Ну что такое? Бежит какой-то человек, машет руками.

Что мы делали, чтобы дать знать, в какой лагерь попадем? Мы делали записочки. А люди приходили, то молоко принесут, то продукты, если родные есть. Главное, что было хорошее, так это если ты принесешь фотографию мужа или сына, или брата, немцы выпускали.

Мы эти записочки людям отдавали. А люди передавали. И вот как раз пришло такое письмо одной маме. Прибежал этот человек. Старик. И петлюровец говорит: «Садитесь». Сели мы, подбегает старик тот, обнимает своего сына, плачет. Тут яйца вареные, пирожки, мама успела, напекла. Ему дает, этому сыну. А немец так стоял, стоял и говорит этому старику через переводчика: «Кто это?» Он говорит: «Мой сын». Он постоял, посмотрел, изучил их черты лица. Подходит к сыну, говорит: «Кто это?». Он говорит: «Отец мой». – «Иди». Ну, этот тогда все раздал, кому что досталось, и пошел. А полицаю говорит: «Подожди тварь. Придет Сталин – я тебе дам»».

Вот и получилась резня.

Их опять в лагерь погнали, и вдруг вызывают 10 человек, им надо на работу.

– *В Германию?*

– Нет, тут еще, в России, под Харьковом. Саша по-немецки говорил немножко, потому что любил это.

– *И в школе изучал?*

– В школе учил, потом на пароходе изучал. Он мог говорить. Самое главное, он говорит: «10 человек на работу. Я выскакиваю, за мной выскочили 20 человек. Выскочили, но мне говорят: «Надо только 10 человек». Сашу подозревали, что он офицер. Саша был очень осторожным. «И вот тут набрали. И вдруг мы едем-едем, подъезжаем, Харьков. У меня аж сердце затрясло». Нет, еще не доехали они, это было предпоследнее. Потом они приехали в город, эту работу сделали, их обратно в лагерь.

Собирают их в Германию, по 50 человек в каждый вагон, и там он подружился с человеком одним, Иваном. Говорит: «Ваня, знаешь, что если б в тот вагон нам попасть бы – вот было бы хорошо». Это французский вагон, у них только две полочки. «Это, – говорит, – легко». И как раз точно, 50 отсчитали и в этот вагон. «Ну, Иван, – говорит, – мы живехи». Они уже сделали план побега: все такое, котомки собрали, как легче, чтоб вылезти. А тут ребята: «Что вы делаете, из-за вас нас расстреляют». Саша говорит: «Никто вас стрелять не будет. Вы же целые сидите».

И вот время там надо подобрать. Он узнал потихонечку, что только впереди немец и в последнем вагоне, с пулеметами. Но пока они вылезли, пока туда-сюда, это как-никак две полки, а мужики взрослые. В общем, вылезли, и уже виден мост. Они бух туда, закрыли голову шинелью, ни одной царапинки не было. Это просто Бог спасал. «Мы сколько смогли, отползли, потому что свет, опасно. Шум, потому что галька, и заснули, бедные, от усталости. Проснулись, вокруг посажены мелкие деревья, видимо недавно посадили. Что делать? Идет женщина, посмотрела на нас. В общем, сидели, ждали, ждали, в конце концов, начало темнеть.» И тут они бежать. Тут речка, через речку пробежали. Немцы уже не достанут. Во-первых, след потеряется. Главное, у того был паспорт, а у Саши был билет. Он боялся билет подавать, потому что во всем частном был, а паспорта нет. Ни билета, ничего нет, а у того паспорт – взяли на работу.

– *Куда они хотели бежать?*

– Да все домой.

– *В Харьков?*

– Ну, да. Как уж сам он думал, но бежали. Но все равно он в Германию попал. В Харьков-то пришел. А тут получилось, что Харьков взяли. Три раза он был в руках там и там.

– *Да, он переходил.*

– Переходил. Вот в последний раз тут и попал, и сразу в Германию.

– *Закончилась война, и он оказался на той территории, которую американцы заняли?*

– Да, на той стороне оказался.

– *А в Германии он был на работах различных?*

– Их там посылали на любую работу: кого к крестьянам помогать, что-то делать. Он говорит: «Я ничего не могу сказать плохого. Они относились как к людям: кормили и все».

– *В каком году он переехал в Австралию, в 1948-м? Американцы отправили?*

– Нет.

– *Англичане?*

– В общем – не знаю. Он был в американской зоне. Он еще рассказывал: они были на поселении, из лагеря выпущенные. Там были военные лагеря немецкие. Их поселили там, где были семейные. Они с мамой-то встретились в Германии!

– *А как мама там оказалась?*

– Когда их эвакуировали, сказали: или остаетесь, или расстреляем. А мама была отчаянная. Тем более советская власть, тюрьма надоела. И потом она потеряла сына, мужа первого и она была в горе. Будь, что будет.

– *Это его мама? Она сама захотела в Германию?*

– Она просто как все: волна. Гнали всех.

– *И он ее там встретил?*

– Встретил в лагере, где женщины.

– *А как он узнал, что там мама? Случайно?*

– Случайно.

– *Промысел Божий.*

– Да. Он и говорит, что сам Господь все делал.

– *Он, наверное, очень удивился?*

– Да, и когда мама-то узнала... Боже мой! Он думал, с мамой плохо будет.

– *И он ее забрал из лагеря?*

- Нет, был лагерь уже спокойный. Он уже тогда к ней перешел.
- *После войны?*
- Холостяки отдельно были, семейные отдельно. Это уже война закончилась.
- *И они с мамой вместе переехали в Австралию?*
- Нет, он один приехал, как холостяк. Потом ее выписал из Германии в Сидней.
- *Ваша дальнейшая жизнь, встреча после колоссальных испытаний: у Вас китайских, у него немецких, советских страстей, Вы почувствовали берег покоя, здесь в Австралии?*
- Душевно было спокойно, только единственное, мне в Австралии не нравилось, она и по сегодняшний день не моя. Я, как на квартире.
- *А почему она не нравится? Природа?*
- Не могу объяснить, она не моя.
- *Солнце яркое?*
- Нет, просто она не моя, потому что я всегда мечтала о России. Нас воспитывали такими русскими. Мы так и думали, если б не написал папин племянник.
- *Вы сказали: вначале 1990-х Вы были в России?*
- В 1993-м.
- *И сказали, ехали в Россию, а попали в Америку. В Шереметьево? Как это произошло, почему?*
- Я привезла книги. Они просили, сюда писали. Меня нагрузили: Евангелие, материалы, все, что просили. И получилось 42кг, помимо моего. Заплатили все, весь груз оплачен. Когда туда в Россию приехали, я спросила, где груз, а они говорят, будет через неделю. Когда приехала через неделю, они говорят: «Да вот ваш багаж, только платите 400 американских». Я говорю: «Что вы, ребята? Я сюда не торговлей заниматься приехала, я приехала сюда – привезла в ваши монастыри книги».
- Я приехала еще через неделю. Просто стоит чемодан там. Пошли туда, они спрашивают: «Это Ваш?». Я говорю: «Мой».
- *А где Вы находились, в аэропорту?*
- Нет, я была у двоюродной сестры в Москве.

– Как дальнейший путь у Вас складывался? Вот Вы вышли замуж вторично. Второй муж ваш Александр, как по отчеству?

– Антонович.

– Александр Антонович. Вот скажите, все-таки на 17 лет старше, чувствовали особую заботу?

– Конечно!

– Он радовался Вам?

– Да. Он когда идет, я уже бегу навстречу ему. Дети у меня не кушали без отца. Стол накрыт, ждем. Все садимся за стол.

– У Вас пятеро детей. Стали многодетной мамой, и Вам надо было со всем управляться. Вы, наверное, работу оставили, перестали швейным делом заниматься.

– Была своя ферма, своей работы было много.

– Вы такой жизнелюбивый человек? И яйца, и дети, и ферма появилась, и какой-то огород был. Вы говорите, что Австралию не любите, а вот столько радости у Вас! Ведь вся дальнейшая жизнь у Вас прошла в Австралии. Чувствовали, что Господь Вам помогает, вот помощь Божья, в храм стали ходить?

– Очень. Всегда ходила.

– Александр Антонович – церковный человек? С Вами ходил?

– Очень. Много церкви помогал: на велосипеде едет по 30 км, собирать на храм. Я помню, как сейчас, он собрал 120 фунтов.

Вот он собирал на церковь средства. Помогал церкви очень много. И что было обидно, это, может быть, на время и оттолкнуло, как какой-то шанхаец говорит, прости меня, Господи (Вы знаете, какие бывают мелкие люди): «В России ломал церкви, а здесь он восстанавливает». Мне было так больно.

– Шанхаец. Наш, русский?

– Наш. Мужу было очень больно. Он одно время не ходил в церковь, потом потихонечку – ничего, забылось все. Конечно, осталась обида. Как я ему не говорила: «Сашенька, забудь это все». Он говорил: «Да нет, я ничего, только мне обидно, кто сказал?». А умирая, он мне говорил: «Иди в монастырь, тебя будут обижать, иди в монастырь».

– Матушка, скажите, пожалуйста, второй брак был венчанный?

– Да.

– *Имеется в виду, с Александром Антоновичем?*

– Да.

– *Венчались в Сиднее?*

– Да, венчались уже, когда Катюшка была, последняя. Я говорю: «Сашенька, в конце концов, 25 лет мы с тобой не венчанные, как это так?» Он все тянул, тянул, и потом в один день согласился. И мы поехали к батюшке.

– *Матушка, скажите, у Вас шестеро детей, Слава Богу, все живы, сколько дочерей?*

– Двое.

– *Получается шестеро детей: четверо сыновей и две дочери. Все равно, каждая семья – маленькое государство. Вы – старейшина рода, и вдруг Вы их оставляете, уходите в монастырь. Скажите, у Вас были такие мысли, когда Вы жили в миру, что станете монахиней? Что уйдете в монастырь? Что много лет проведете в стенах монастыря? Нет?*

– Никогда не было.

– *А как это получилось?*

– Вообще, в молодости я любила одиночество, я любила страшно природу. Я старшая и должна была за младшими смотреть. Ну, а дети есть дети. У мамы их пятеро было после меня. А потом мне исполнилось 18 лет, нет больше, до замужества еще. Я как-то маме говорю: «Мама, знаешь что, я бы хотела в монастырь», как-то, что-то было.

– *Это еще в Китае?*

– В Китае. А мама говорит: «Знаешь, что ты? Молодая еще такая, красивая, сможешь ли там? Ведь монастырская жизнь тяжелая». Я говорю: «Ну, да и что? Работай и все». Мне даже в голову не приходило так, потому что у нас монастыря не было там. Это в Харбине, в последний раз было. А тут не было, поэтому я монастыря не видела, только с книг. На этом дело закончилось. А потом, когда Саша умирает, это было в пятницу...

– Он болел долго?

– Нет, только неделю.

– *И сколько же ему было лет?*

– 72, еще бы пожил.

– *Еще же Вы были в ту пору, когда он сказал, что идти в монастырь, довольно молодой женщиной?*

– 56 лет. Я очень молодо выглядела. Я потом как-то, несколько лет назад, сразу постарела.

– *Почему же он сказал: «Иди в монастырь, тебя будут обижать».*

– А получилось так, что дети стали обижать. Ну, как обижать? Чем обижать стали? Во-первых, у него все было строго. А я ему всегда говорила: «Саша, не держи так крепко детей. Понимаешь, что им надо сейчас? Поезжай с ними на концерт. Надо, чтоб они общались с ребятами, с друзьями. Езжай!». – «Нет». Я думаю, что это у него страх после советской власти был.

– *Они не были готовы к жизни самостоятельной?*

– Нет. В этом была большая ошибка.

– *А как же Вы решились?*

– Не знаю... послушание.

– *После смерти мужа, через сколько лет Вы ушли в монастырь?*

– Через шесть с лишком. Саша умер 3 июня 1986 года, а я в 1987-м 1 февраля ушла в монастырь послушницей.

– *Через несколько месяцев уже пришли послушницей. А до пострига, Вы говорите, 6 лет еще прошло?*

– Это был первый постриг, иноческий. А монашество было только на седьмой год. Уже монахиня.

– *Вначале Вас постригли как инокиню Тамару?*

– Нет. Я уже была Евдокия.

– *А не тяжело было Вам привыкнуть?*

– Ну, конечно, кто Тамара скажет, я туда. «Ой, подождите, я же Евдокия».

– *А дети Вас навещали?*

– Вы знаете, как было тяжело. Это не смешно было. Они были у меня так воспитаны: мы были как друзья. Они сюда придут – маму цап! Всё.

– *И никуда не пустим?*

– Все. Монахини: «Это же нельзя. Мама – монахиня», «Нет, она наша мама».

– *А сколько было младшему в ту пору?*

– Коле было шестнадцать.

– *Шестнадцать. Это самый младший – Коля? А кто за ним перечислялся?*

– Катюшка. Знаете, когда она родилась?

– *Когда?*

– Папе было 59 лет. А мне было 42 или 43. Это Катюша родилась у нас.

- Катюша самая последняя?
- Самая последняя.
- Матушка, скажите, деточки маленькие. Вы рассказали о том, что идете в монастырь? Как они к этому отнеслись?
- Нет. Я им потом. Я не сказала им сразу.
- А с кем они остались? Со старшими?
- Они со старшими остались. Они уже были женаты, Коля нет. А когда сказала, Коля сразу сказал: «Мама, я буду с Лизой».
- Они были обеспеченные? Ферма, куры?
- Этого уже не было. Мы уже продали все.
- А чем занимались Ваши дети?
- Они работали уже.
- Профессия какая? А где работали?
- Они работали на строительстве.
- А девочки вышли замуж?
- Да.
- И Катюша?
- Нет. Катюше было 12,5 лет. Она была со мной.
- Здесь, в монастыре?
- В монастыре. Она была со мной в одной келье. Владыка так благословил.
- А владыка кто был тогда?
- Павел. Был строгий, настоящий.
- А как его фамилия?
- Павлов.
- Я помню, рассказывала матушка Мария для духовного собеседника, что здесь не так много сестер, кто остается и принимает монашество, единицы. Именно иноческий период выдерживают не все.
- Не все.
- А ведь Вы были с дочерью здесь. Маленькая дочь была с Вами. Как Вы выдержали этот период?
- Я думаю, что милость Божья была, или такое желание мужа было. Я любила это, мне нравилось. Мне нравились молитвы, мне нравилось все такое строгое.
- Ведь здесь мало спят, много работают?
- Ничего.

- Я вижу, Вы жизнелюбивый человек, и вот как Вам удается это сохранять?
- Жизнерадостная была и вдруг сюда. Знаете, как было трудно. Себя ограничить надо, перестроить себя.
- *Послушание? Вы человек самостоятельный, энергичный, деятельный. И вдруг послушание.*
- Послушание для меня не было проблемой. Мне было за детей часто тяжело. Дети. Только это, а так нет. Видимо, так надо. Потом мне сын говорит: «Хорошо, что ты в монастыре, а мы все в церкви».
- *А вот сыновья у Вас как по именам? Катерина младшая, потом Коленька, а потом?*
- Константин, Владимир, Елизавета, Петр, Николай и Катюшка последняя.
- *У Вас большой семейный круг. На какие-то семейные праздники, церковные, собираетесь за одним столом?*
- Сейчас нет.
- *А вся семья собирается? Я понимаю, что они приезжают и находятся тут не долго.*
- Не так. Одни живут там, одни тут. В Мельбурне, Брисбене, тут. Иногда, я тут близко к Косте, к нему съезжу. Коля был, мальчика крестил. Я была матушка. Отпускают, как мать меня. Когда туда приходишь – черная ворона.
- *Они живут мирской жизнью, а Вы человек духовный. У Вас 16 внуков и внучек?*
- Да, и трое правнуков.
- *Какая Вы молодец! Ощущение большой и достойно прожитой жизни у Вас есть. Выполненная миссия. Ведь говорят, что женщина спасается деторождением и благочестивым поведением. У Вас и дети, и Вы в храме. По возрасту Вы, наверное, старшая здесь?*
- Нет, мать Феодора старше.
- *Все равно, к Вам, может быть, наибольшим образом прислушиваются, с Вами советуются те, кто помоложе. Есть у Вас ощущение единой семьи здесь с монахинями, со своими сестрами?*
- Да, своя семья.
- *Настоятельница, матушка Мария, она для Вас абсолютный авторитет? Ее слово, оно абсолютно?*
- Она игуменья.

– В монастыре делается все по благословению?

– Только по послушанию, по благословению.

– Ваша поездка в Россию – это тоже было по благословению?

– Да.

– Покупали на свои средства и книги, и билеты?

– На свои средства, потому что у меня пенсия. Сейчас 800 долларов мы получаем, я 450 монастырю плачу.

– Половину, а половина идет на накопление?

– Да.

– Это было очень тяжелое время, его называют «время беспредела» в России в 90-е годы. Вы в 1993-м там были? Полный развал Советского Союза.

– Да, я была, когда там вспышка была. Я в этот день ехала в Петербург, а днем пошла купить билет.

Подходит ко мне здоровый парень, большого роста, полный, но молодой парень, старше 30-ти. Берет меня за горло, а я была в монашеском одеянии. «Я, – говорит, – вор». Я почему-то не испугалась. Я говорю: «Ну и что?» Он, видимо, от этого опустил ручки. Я говорю: «Как звать?». Он говорит: «Александр». «Ты крещеный?» – «Крещеный, как будто крещеный». – «Сашенька, какие у тебя красивые глазки». У него, правда, красивые глазки. Я говорю: «Если ты крещеный, то в честь Александра Невского». Ему тут духовного немножко сказала. Он говорит: «Мать, как ты сладко говоришь».

А со мной ездила Анна Леонидовна, я хотела Россию посмотреть, а она там жила. Она со мной и ездила. Я ей покупала билет вместе.

Он говорит: «Мать, ты можешь мне помочь на сигаретки? У меня денег нет». Меня предупреждали. Я говорю: «Анна, у тебя есть? Дай денюжку». Она знает, сколько они стоят сигаретки, ему дала. Он их держит так в руке, а я в это время духовно потихонечку. Знаете, жалко, ребята не видели ни ласки, ничего. Из этого льва получился ягненок. Он присел, я его перекрестила, поцеловала его, обняла его головку. Я говорю: «Сашенька, что ж ты не идешь на работу?» Он говорит: «Я три раза осужденный». Он волей, неволей идет, ворует. Работы не дают, денег нет. Значит обратно туда. Вот так они делают конвейером. Я потом ему: «Сашенька, иди в монастырь». Он говорит: «Что Вы? Что Вы?», так

ручонками: «Я же такой грешник!». Я говорю: «Вот грешникам там и место». Он сидел, посидел, а я ему потихонечку...

– *Очень интересные у Вас встречи в России: то Вас пытаются официальные бюрократы на 400 долларов обокрасть, то за горло берет вор.*

– Главное, что меня удивило: стоит очередь за билетами, и как будто мы вдвоем. А Анна так стала к стенке, глазенки выпучила.

– *Перепугалась?*

– Она перепугалась, а я спокойная. Вот это именно спокойствие обезоружило.

– *Это же было 25 лет назад?*

– Да.

– *Вы ведь тогда впервые поехали в Россию?*

– Первый раз.

– *Родная земля, и так встречает Вас?*

– Ни чуточки не обиделась, ничего.

– *Все-таки, видимо, было много нормальных людей, которые радовались, улыбались, тянулись к Вам?*

– Иду я, подбегает ко мне: «Матушка, благословите». Я говорю: «Солнышко, я не игуменья». «Ну, пожалуйста». Были хорошие. У меня осталось впечатление о том, что со мной было интересно. Наверное, Вам будет неинтересно, но мы с ним попрощались, я его еще раз поцеловала, перекрестила и говорю: «Иди в монастырь». «Меня, – говорит, – не возьмут». «Душу спасти тебя возьмут, а я буду за тебя молиться». Только глупость сделала: я не спросила у него ни адрес, ни фамилию. Вот тоже немного старухой стала. Потом уже жалела: а где я его найду? Я бы ему помогала бы.

– *Матушка, Вы дали ему больше, чем деньги. Вы дали ему свет добра человеческого и любовь.*

– Любовь они же не видят. Это видно, что он, как ребенок. Я его обняла за головку: «Сашенька, миленький, иди в монастырь». А он: «Я такой грешник!» Он спрашивает: «Вы когда-нибудь грешили?» Я говорю: «Все было, поэтому я в монастыре».

– *В Санкт-Петербург Вы из Москвы? Сначала прилетели в Москву? И где же Вы были, какие места посетили?*

– Все получалось, как в угаре. Я даже не помню где, но были по церквям, но не знаю где.

– *В Троице-Сергиевой Лавре?*

– Была там несколько раз.

– *Видели мощи преподобного Сергия?*

– Когда я в первый раз пришла – это было очень интересно. Я зашла – что, значит, благодать! Я стою, слезы градом льются. Я не то, что плачу, они сами текут. Это было такое чудное чувство. Это трудно сказать, это надо испытать!

– *А где остановились?*

– У двоюродной сестры.

– *В Москве живет?*

– В Москве.

– *И Вы у нее остановились, и она потом возила Вас?*

– Нет, я сама ездила. Она хорошая, но не воцерковленная. У нее бизнес там.

– *Это в пору, когда приехали в Россию кто-то из братьев?*

– Она приехала еще маленьким ребенком туда с мамой. Ее мама была родная сестра моей маме, и они были очень близки.

– *Вот Вы в России, матушка, где были, в каких местах?*

– Потом я была в Киеве. В Ближних и Дальних пещерах, в Киево-Печерской Лавре была.

– *Поездом ездили?*

– Поездом. На границе стали проверять паспорта. У меня паспорта нет. Поезд стоит, всех осматривают. Он говорит: «Паспорт». Я говорю: «Паспорт дома. Если у меня украдут, вы мне поможете?» Он все требует паспорт. Я перед этим была на рынке, видела, приехали, привезли бочки сметаны, большие куски масла сливочного и домашнюю колбасу. Я говорю: «Да что это такое? Ваши бабы у нас в Москве продают, мы же их не ощупываем, не обшариваем». Он замолк. «Извините», и ушел. Анна Леонидовна: «Матушка, я не понимаю». Между прочим, Господь сказал, что Он не любит трусливых.

– *Матушка, Вы в Санкт-Петербург летали. На Валааме не были?*

– Не была, все мечтала, не получилось. У меня все получилось коротко, месяц.

– *Были какие-то памятные встречи, которые Вам запомнились в России? Может быть, с духовенством?*

– Да, с отцом Николаем Гурьяновым.

– *Вы были во Пскове? На острове Залит?*

– Да, очень хороший человек, я у него была. Он ко мне как-то очень ласково, народу у него всегда много. Одну Ольгу спрашиваю, с которой приехали: «Олечка, как бы мне хотелось сходить бы». Это было зимой, я не знаю куда идти, там деревня, неосвещенная еще, потом гололед, не дай Бог, упаду. Я приехала налегке, а мне было жарко. Снег, а мне жарко.

– *Это какой месяц был?*

– Ноябрь.

– *Морозы сильные.*

– На мне была просто ряска и все.

– *А как Вы добирались на остров Залит?*

– Лодками везли. На санях, а потом на лодках. Я у него два раза была. Очень радушный. Один раз приехали мы, он говорит: «Знаете что, ребятки, скорей езжайте. Если вы сейчас не поедете, утонете». Лодок нет, а он говорит: «Там ждет вас лодка». Правда, лодка была. Рыбаки нас отвезли, еще нам рыбы продали. Рыба была очень вкусная.

Потом уже второй раз к нему приезжала зимой, на санях.

– *Это в каком году?*

– Была в 1993-м, потом в 1996-м. Третий раз была, но очень коротко. По делу надо было: дочке достать лекарство. Оно только в России было. Там очень коротко, нигде не была. Потом приехали в Лавру. Из Лавры уже поехали домой. Там были еще в других церквях, мне очень понравилось. Когда поднимаешься, на поезде едешь: зелено, золотые купола. Так красиво. Такая панорама красивая.

Еще были в нескольких местах. Но тоже очень быстро, поезд ждал нас. Что не нравится, что очень быстро. Все на ходу. Расстояние длинное, еще тут попали на поезд, который на каждой остановке останавливается. Мы ехали не сутки, а полтора суток. Тут тоже было интересно, это было настоящее чудо. Мы были с внуком. Ему было 13 лет. Первый раз снег увидал, Боже, он как котенок кувырчался в этом снегу. «Баба, я приеду в Россию, я буду здесь». Он поехал туда учиться.

Он там учился, женился и привез жену, ребенка, а теперь второй ребенок уже. Два ребеночка уже.

– *Здесь живут?*

– Здесь. Говорит прекрасно по-русски, тем более, там был, совершенно. Я не понимаю, как можно забыть русский язык и как можно его не привить детям? Как не привить любовь к Родине, я не понимаю. Вот это было воспитание родителей, почему я не могу принять Австралию. Вот эта задержка, потому что я люблю Россию. Может, это и мешает.

– *Матушка, может это на генетическом уровне, на уровне Вашей души. Есть у Вас в Австралии священники, которых Вы любите, с кем Вам хорошо поговорить, кто действительно духовник в монастыре?*

– С отцом Алексием, но это далеко. Он сюда же меня и привез. Как получилось интересно. Саша стал прибалывать. Это было за год до его смерти. Вижу я сон. «Продаются блоки, земля такая, как на кладбище, серая. И я очищаю одну, ложу наискосок черную ленту. Встала так. Саша упрется головой и ногами, а мне немножко свободней. А где же мне грядки? А голос говорит: зачем тебе грядки? Они тебе не нужны. Да, да мне не нужны». Просыпаюсь, интересно. Через пару дней вижу сон: на кровати спит отрок, вроде мой Коленька, а под подушкой его такая книга, которая ценна. А я люблю читать. Беру ее, она немножко подержанная, а на ней золотой крест. Беру и говорю: «Как я хочу эту книгу». Слышу голос: «Трудно тебе будет». Я говорю: «Как бы трудно ни было, я ее хочу». Опять мне голос говорит: «Трудно будет». – «Сколько бы она ни стоила, а я ее куплю». И вот я купила.

Вот мне трудно: дети, монастырь. А за каждого душа болит. Иногда они поссорятся между собой, звонят маме, станешь их мирить. А вот его больше любишь, а меня меньше любишь. Вот и пошло. Я говорю: «Ребята, мне уже надоела ваша любовь. Когда вы будете взрослыми?»

– *Отец Алексей, Вы с ним советовались?*

– Когда я пришла, он был моим духовником. Он там служил и все дети мои были там. Я ему говорю: «Батюшка, я интересный сон видела». Отошли мы в сторону, я ему рассказываю. Он говорит: «Иди в монастырь». Я говорю: «Как же при живом муже?». И тут же сама говорю: « Скоро-то Саша умрет». И своих слов испугалась. Он за бороду подергал, подергал: «Да, он скоро умрет».

– *Это он Вам сказал?*

– Я сначала сказала, потому что он мне сказал: «Постриг». Мне даже страшно стало. За год мой Сашенька как будто догадался освободить меня, раз и все.

Заболел, только одну неделю был в больнице, и то доктор сказал: «Иначе будет большая неприятность».

– Матушка, Вы сказали, он был Вашим духовником. Сейчас он не Ваш духовник?

– Когда он бывает, редко. Не вижу его много лет. Но все равно считаю своим духовником.

– Он ведь болел сильно?

– У него же рак. Он духовник хороший.

– Здесь часто бывал митрополит Илларион, наверное, с ним общались?

– Больше владыка Павел был, больше с ним, он более строгий и он конкретно сказал, вот так! Владыка хороший, он мягкий.

– Есть с кем поговорить, сестры? Общаетесь с ними по душам?

– Так общаемся, но чтоб душу открыть – не с кем.

– Я смотрел последнее интервью митрополита Питирима. Может, знали такого митрополита Питирима Волоколамского?

– Я слышала.

– Назывался фильм «Осень Патриарха». Когда его спросили: «Что, владыка, Вы сейчас чувствуете? Чего Вам не хватает?» Он говорит: «Поговорить не с кем».

Есть у Вас ощущение, что здесь русский уголок, вот здесь Россия, кусочек русской земли?

– Да. Многие приезжают и говорят: «Как у нас, в России. А как тихо, спокойно».

– Матушка, за плечами большая жизнь не только мирская, но и монашеская жизнь. Когда Вы приняли постриг монашеский, изменилось у Вас видение мира? Говорят, монахи – собеседники ангелов? Может, это тайный, интимный вопрос? Но что-то Вам открывается в людях, Вы видите человека не только внешне, но и внутри, когда разговариваете? Можете не отвечать, если это секретный вопрос.

– Нет, не секрет.

– Все-таки при постриге человек меняется?

– Очень.

– Что-то открывается другое?

– Когда постриг идет, сходит благодать. Молния, на одном сильно, на другом меньше.

– *Свечение такое?*

– И чувство такое радостное.

– *Вы говорили, как избежали удара электричества, спаслись по молитвам. Вы же тогда не были монахиней?*

– Не была. Я с детства была такая, не хочу Вам хвастаться, любила Боженьку. Когда читала по постам, то я книги другие не слушала, романы терпеть не могу. Я любила больше повести, истории любила, а вот романы не любила.

– *Тот случай, когда ударило током, это было на ферме?*

– На ферме.

– *Когда работали с птицей?*

– Ну, да. У нас куры были. А тут как раз сыночка, ему годик. Я пошла, белье постирала, а дом у нас небольшой был. Мы были этим уголком рады, счастливы. Мне нравилось, что у нас все было хорошо: мир и любовь. И Саше нравилось, что я всегда была жизнерадостной. Он говорил: «Ты как зайдешь, ты знаешь, все меняется».

– *И что-то Вы обрабатывали? Как в воду провод попал?*

– Провод упал на землю, а был дождик. Он запачкался, я его взяла, на руку намотала.

– *Электрический провод?*

– Да. А в стенке-то забыла выключить, он включенный. Я из этой ванночки воду беру и только сполоснуть его, не в ванночке, а так.

– *Электрический провод 220 В?*

– Да. Мозги работают абсолютно, но я как камень. Я не могу ни глазами моргнуть, ничего. Ни опустить голову ниже. Это хорошо. Если бы ниже, я бы в ванночке захлебнулась.

Так вот только подумала, брат мой умер в 30 лет, неужели мой короткий век? Господи, кто же деточек будет моих растить? Видимо, от всей души, хотите – верьте, хотите – нет: открываются пальцы, провод выпадает, и я встаю.

– *Тогда Господь спас Вас.*

– Да, и было еще несколько случаев помощи Божией в моей жизни.

– *За один раз жизнь трудно рассказать. Вот дар прозорливости как-то проявляется у Вас? Вы можете уже предвидеть события?*

– Вот чувствуешь и видишь, как крутит так, и как Господь тебя ведет. Так знаете, так явно. Я батюшке говорю: «Батюшка...», он говорит, что это во сне. «Наяву!».

До Сашиной болезни, я стираю или что-то делаю, я всегда пела песни, не песни, а молитвы. Однажды стираю или полоскаю белье, а они такие красивые, облака. Знаете, такие синие-синие, как вата – красивые. Так смотрю на небо, молюсь. Неужели иллюзия? Не может быть. На облаках появился Спаситель. Воскресенье Христово. Хоругви с крестом стоят на облаках. Не икона, не может быть, такой человек грешный и такие вещи. И это днем – наяву.

– *Значит, Вам явился Спаситель?*

– Да, два раза.

– *Это когда Вы уже были в монастыре?*

– Нет. В монастыре я уже видела во второй раз. Я потом батюшку спрашивала. Он говорит, что это перед скорбями. Но Господь утешает, что Он с тобой. Я вот, как отсюда, прошла наши ворота туда до конца. Я шла к Нему, я с радостью шла к Нему. А потом, Он как бы таял, так и исчез.

А здесь я уже во сне видела. Небо голубое-голубое, а звезды серебряные, красивые, большие. Я говорю: «Ребятки, смотрите, вот Спаситель». Точно так же, только во сне. А Коля мой: «Где? Где? Где?» «Смотри вот, прямо на мой пальчик смотри. Вот Спаситель».

Ну, ничего, пришел он в себя. Говорит: «Мама, ошибок не наделаешь – не проживешь». Ну, и слава Богу, что он от Бога не отошел. Но все это надо пережить. Вот так. Когда ты тянешься больше к Богу, тем больше неприятностей. Враг же не дает спать. Он тебя отвлекает, то скорбями, то неприятностями, то еще чем-нибудь. Но что делать. Мы люди.

– *И, наверное, все-таки одновременно и укрепляет?*

– После этого ты стараешься молиться. Ты знаешь, что это скорбь, и молишься, и просишь. В это время молитва очень сильная. И вот смотришь себе, так на душе радостно, спокойно. Это все борьба. Вот это невидимая брань и есть.

– *Я просто думаю, сколько же лет нужно провести в монастыре для того, чтобы почувствовать себя вот таким духовно укрепленным человеком?*

– Гарантий нельзя дать. Сподвижники и то спотыкались, потому что враг не спит. Особенно, когда вы тянете ближе, и что-то, кому-то добро делаете, обязательно будет искушение. Причастился – обязательно что-то случится.

– *Батюшки говорят: «Надо в тот день как-то поосторожнее быть. Никуда особенно далеко не ездите за рулем. Стараться в тишине провести этот день».*

– За книгой.

– *И ссоры с женой в этот день, причем на пустом месте. Ничего плохого не желаешь, а возьмешь и поссоришься.*

– А он же мстит.

– *Думаешь, ну зачем? Ведь я же ничего не хотел, а возьмешь, поругаешься. И потом самому так больно и неприятно. Думаешь, зачем ты это сделал? Ощущение счастья и радости, оно ведь у всех другое, чем в миру, наверное. Ощущение бывает у Вас победы над силами зла? Может быть, некое внутреннее преодоление гордыни, каких-то страстей? Видимо, праздник какой-то?*

– Когда у тебя искушение, и ты чувствуешь, что ты как бы справился – у тебя радость. Но смотри, что тебе будет сразу второе.

– *Мог вспылить, а не вспылел. Вот на тебя накричали, а ты не ответил.*

– На меня накричали, я могу промолчать. А вот вспылите, я вспылю. Не то, что из-за пустяка, а из-за правды, что ты меня не так...А вот тут на все смиряться.

– *Матушка, я вижу, что Вы человек жизнелюбивый. Наверняка приходилось Вам утешать больных людей, которые уже сильно больные или на смертном одре. Как-то утешать, успокаивать? Такое случалось?*

– Да. Вот, когда умирающий, ты его возьмешь, погладишь, и утешаешь. И говоришь утешительные слова, что страшного ничего нет, с Вами Господь, ангел тебя встречает. Вот в таком духе. И вот когда говоришь – слушает.

– *Мне думается, что вот такие слова Вам приходят именно промыслом Божьим. Всякого человека надо ведь по-особому утешить и снять как-то боль, успокоить. Человек ведь боится смерти.*

– У меня с мужем так было. Я его держала за головку. Он слышит, говорить он не мог. А вот чувствую, он ухом, значит, слышит. Я его успокаивала. Костя держал его за руку: «Папочка, папочка, только не умирай». Я ему говорила: «Сашенька, это будет другая жизнь». Вот он так спокойно умер.

– Мне кажется, у Вас есть дар утешения. Вот это жизнелюбие способно успокоить. Вы говорили как-то, батюшку лошадь, что ли ударила, и он умер.

– Нет. Это электричество.

– Вы говорите, слезы у него потекли. У него было много детей? Он отходил?

– Он ничего не мог, не мог повернуться. А слезы катятся, открыты глаза. Голова-то работает. Вот в чем дело. Жена стоит пред ним уже беременная. Она плачет, рыдает. Это Господь так делает. Значит, взял его вовремя.

– Все равно он из Царства Божия видит своих детей.

– А главное, Саша, когда умер, на третий день я вижу его во сне. Было: вижу во сне океан, он такой поднялся, да такой темный. А Саша стоит вот так в нем. Я подскочила, как его оттуда вытащить? Кричу: «Люди добрые, помогите!», смотрю, он уже ко мне идет в голубой сорочке, чистенький, беленький.

– Такая радость! Радость встречи. Мне кажется, он все время как-то с Вами рядом. И Вы его ощущаете, его присутствие в этой жизни. Матушка, есть у Вас ощущение попечения Казанской Божьей Матери?

– Я Ее люблю.

– Было ли у Вас ощущение именно Ее заботы? Я понимаю, именно Пресвятая Богородица, Она во всех иконах. А именно Казанской?

– Было у меня с Сашей. Я попросила отца Алексея его исповедовать. Человек в плохом состоянии, уже умирает. Саша будет сейчас исповедоваться. «Рассказывайте, я буду Вам пожимать руку, а Вы мне – такой-то грех». А Саша уже говорить не мог. Но он старался. Он говорит: «Согласны или не согласны? Или хотите, как собака умереть?»

– Это как электрошок. Усилим как-то пробудить человека, лишь бы он исповедовал грех и не ушел в мир иной с грехом.

– Вот это меня мучило. И он так и умер. Когда Саша умер, я говорю: «Отец Алексей, помолись». Он говорит: «Молюсь, молюсь». И вот, когда он вышел с чашей, а я заказала литургию за Сашу, он говорит: «Она же и так будет». «Нет, я хочу». Потому что, когда заказная, тогда его сугубо поминают.

– Литию, наверное?

– Нет, литургию.

– Одну литургию?

– Да. Я так молилась: «Господи, прости же». Как могла уже. Он, когда вышел с чашей, а гроб так стоял. Слышали только я, Катюшка, еще была приятельница, украинка. Царство небесное, умерла. Мир над гробом так прошло. Никто из моих детей не почувствовал, кроме Катюшки, меня и этой Гали. Она говорит: «Какой у Вас сладкий ладан». Я говорю: «Это миро, миро».

– *Матушка, мы говорили о даре прозорливости.*

– Да, это очень опасно. Это надо быть высоко духовным человеком. Куда нам грешным. Сейчас старцев нет. И кто б на праведный путь повел – некому. Получается сами по себе. Не с кем поделиться.

– *Старцев вообще в мире нет?*

– Они есть, но когда нужно – их найдешь, а вообще нет.

– *Святая гора Афон, на Святой Земле или, может быть, в монастырях, есть люди?*

– Есть, вот когда отец Ефимий ездил, он говорил, что там есть у них именно прозорливые.

– *Мне показалось, отец Алексей Розентул...*

– У него есть.

– *Он обладает прозорливостью, по крайней мере, когда я к нему пришел, он уже обо мне что-то знал. Мне, кажется, само по себе монашеское звание открывает человеку особые видения. Вы говорили, что по-особому начали ощущать мир, свечение над головами, когда был постриг. Вы тогда видели собственными глазами.*

– Да видела, оно как молния. И так красиво, и так радостно, на душе спокойно. И главное, над каждым по-разному: у одного больше, у другого меньше.

– *Чем больше человеку даются дары, тем больше тяготы ему в дальнейшем нести, вериги?*

– Да.

– *Вряд ли стоит ожидать, что будет всеобщая радость и благоденствие.*

– Тяжело, конечно. Главное то, что мы уходим, а поколение-то младшее, особенно детки – внучата, что им достанется? Господь управит все равно. Он же сказал: «Я же своих не оставлю, кто будет верить в Бога».

– *Раз зашли сюда в монастырь, и стало тепло и радостно. Мир тревожен и людям живется сложно. Но вот здесь спокойное место.*

– Тишина такая.

– Душа отдыхает. Эти же дары, которые всем нам были преподнесены. Я благодарю Господа и Вас, матушка: и накормили, и приютили, приласкали. Это большой подарок. Я надеюсь, что книга выйдет, и прошу помолиться обо мне грешном. Надеюсь, что через год, может, попозже, привезу Вам эту книгу. Подарю Вам.